

Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия 2,

Святоотеческая христология, часть 1, до Никеи

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 2, патристическая христология, часть 1, до Никеи.

Мы продолжаем наш курс по христологии, изучая патристологию, и я хочу признать огромный долг моему другу Стивену Веллуму *Бог Сын Воплощённый*.

Христологические формулировки до Никейского собора 325 года. Таким образом, наши даты находятся где-то между 100 и 325 годами нашей эры. Алоиз Гриллмейер замечает, цитата, что ни один эпос христологии не отображает столь многочисленные и столь различные течения мысли, как второй век, близкая цитата.

На первый взгляд это может показаться сбивающим с толку, но это не должно нас удивлять по двум причинам. Во-первых, мы должны помнить, что, хотя Новый Завет был написан к этому времени, он не был распространен как полноценный канон. Во-вторых, по мере того, как церковь распространялась и становилась универсальной по всей Римской империи, она не только сталкивалась с противодействием в плане преследований, но и с внутренними вызовами.

Уже в Новом Завете, даже когда существовали Апостолы, у нас есть те из церкви, кто проповедовал Евангелие ради собственной выгоды и искажал его. Но теперь, когда люди из библейски неграмотных и чуждых мировоззрению слоев обращаются, они неизбежно привносят много багажа, что увеличивает опасность синкретизма. Многие, кто думал, что они провозглашают Христа, на самом деле затемняли то самое Евангелие, которое они стремились провозгласить.

Джереми Джексон предполагает, что все ереси объединяет отрицание Христа и его дел. Когда мы приступаем к описанию различных ложных взглядов на то, кем является Иисус, мы должны помнить об этом. В основе Евангелия лежит Иисус, а в основе всех ересей лежит непонимание и/или отрицание его.

Почему это так? Вероятно, потому что идея спасения по суверенной благодати Бога, достигнутая воплощенным Сыном, который прожил жизнь, которую мы не могли прожить, и умер в качестве нашего наказания, оскорбительна для мятежных человеческих существ. Она лишает нас всякой возможности вносить

вклад в собственное спасение и побуждает нас поднимать пустые руки веры и принимать то, что Бог милостиво и могущественно сделал для нас во Христе. Если мы хотим отличить истинное христианство от ложного, в любую эпоху мы должны спросить, кем, по-вашему, является Иисус и что он делает? Этот ответ имеет решающее значение для теологии и этики.

В этот период времени, с 100 по 325 год, было два способа, которыми люди отходили от библейского Иисуса. Они отрицали или преуменьшали либо его божественность, либо его человечность, либо его человечность. Интересно, что в отличие от наших дней, первая ересь, связанная с гностицизмом, не отрицала его божественность, но отрицала его человечность.

Ереси, связанные с иудаизмом, монархианские, иудейские ереси, монархианские ереси и гностические ереси — вот наш обзор на данный момент. Иудейские ереси. Первое число христологических ересей связано с иудаизмом.

В эпоху Нового Завета еврейская община в большинстве своем отвергала божественность Христа и отрицала, что он был Мессией, обещанным Ветхим Заветом. Со второго по начало пятого века существовала еврейская христианская группа, известная как эбиониты, группа, связанная с продолжением иудаистских оппонентов Павла. Эта группа отрицала непорочное зачатие Иисуса вместе с его божественностью.

По их мнению, Иисус был обычным человеком, обладавшим необычными, но не сверхъестественными дарами. Он отличался от других строгим соблюдением закона, и эбиониты учили, что благодаря соблюдению закона Христос, в кавычках, сошел на Иисуса Духом Божьим при его крещении, что означало, что присутствие и сила Бога были с ним уникальными способами, прежде всего с точки зрения влияния. Ближе к концу своей жизни Христос, задуманный в мессианских терминах, отошел от Иисуса, отсюда его крик оставленности на кресте.

Были и другие еврейские секты, о которых нам сейчас не нужно упоминать. Монархианские ереси связаны с монархианством. Вторая разновидность христологических тринитарных ересей была связана с монархианством.

Эта позиция справедливо стремилась сохранить монотеизм и, таким образом, божественное единство или монархию, но исключая полную и равноправную божественность Сына и Духа. Это исключение божественности Сына было сделано одним из двух способов, оба из которых отходили от библейского учения. Первый способ был позицией адопционизма, или динамического монархианства.

Чтобы сохранить божественное единство, эта точка зрения утверждала, что Иисус не был Богом Сыном. Вместо этого логос, своего рода сила или разум, отождествленный и единосущный Отцу, но не отдельная личность, сошел на человека Иисуса во время его крещения. До крещения Иисуса он был полностью человеком, но в награду за его исключительную нравственную добродетель Иисус был принят как Сын Божий и наделен силой Богом и, таким образом, смог совершить множество чудес.

В этом смысле Иисус был обожествлен в силу полученной силы, а не из-за какого-либо предполагаемого равенства природы с Отцом. Скорее, считалось, что Бог не может страдать. Из-за этого эта позиция утверждает, что логос вернулся к Богу до того, как Иисус умер на кресте, таким образом, объясняя крик Иисуса об оставлении.

Павел Самосатский, епископ Антиохийский около 200-275 гг., был известным сторонником этой точки зрения. Его взгляды были отвергнуты церковью в третьем веке. В следующем веке взгляды Павла оказали влияние на более поздних деятелей, таких как Лукиан Антиохийский и его ученик Арий, которые отрицали божественность Сына.

Более чем тысячелетие спустя, эта точка зрения была преподана социнианством и унитаризмом, и сегодня многие в либеральной традиции церкви являются адопционистами в своей христологии. Адопционизм или динамический монархизм, понимаете? Динамический? Он позволил Иисусу творить эти чудеса и так далее. Он динамизировал его, если хотите.

Второй способ, которым монархизм развил и исключил божественность Сына, заключался в исключении его личной отличительности от Отца, и это называется модализмом. Оба эти монархизма имеют это общее. Они верят в монотеизм и полны решимости защищать его, и именно здесь они должны отрицать божественность Христа, как они думают, чтобы сохранить единство Божества.

Модализм также был известен как сабеллианство, в честь Сибелиуса. Это был очень влиятельный взгляд в ранней церкви. Он имел двойное убеждение, что Бог един, вот это да, и что Иисус есть Бог, однако модалисты были недовольны предположением Тертуллиана о том, что Отец и Сын разделяют одну и ту же сущность, утверждая, что это влечет за собой двубожие.

Итак, они представляли Отца, Сына и Духа как модусы, отсюда и название модализм, в котором Бог проявил себя. Они предположили, что Бог проявил себя по-разному в каждой из трех фаз мировой истории. В Ветхом Завете Бог был Отцом и Творцом.

В евангельский период он был Сыном , Искупителем. А с Пятидесятницы он Дух, Освятитель. Таким образом, они отрицали личные различия между Отцом, Сыном и Духом в Божестве.

Модализм утверждал полную божественность Христа, однако отрицал его отдельную личность в Божестве. Одним из катастрофических последствий модализма является то, что события искупительной истории становятся шарадой. Не будучи отдельной личностью, Сын не может в действительности представлять нас Отцу или совершать заместительное искупление от нашего имени.

Модализм по необходимости докетичен, уча, что Христос был человеком только по внешности, если только не утверждать, как это делали некоторые модалисты , что Отец страдал на кресте. Это ересь, известная как патрипатионизм , Отец страдает на кресте, поскольку Сын на самом деле не отличается от Отца. Разница между ортодоксией и модализмом заключается не в использовании слова модус для описания лиц.

Мы могли бы сказать, что Бог существует вечно в трех режимах, как Отец, Сын и Святой Дух. Разница в том, что ортодоксальность говорит, что Бог существует в трех режимах одновременно. Прямо сейчас Бог — это Отец, Сын и Святой Дух.

Модализм, савеллианство или пятидесятничество единства является модалистическим и утверждает, что Бог существует в трех лицах последовательно. Понимаете? Не одновременно. В обоих этих монархианских воззрениях единство Бога сохранялось, но божественность Сына отрицалась.

И в результате Иисус рассматривался либо как наделенный полномочиями человек, динамическое монархианство, либо как простое проявление Бога, но не Бога Сына во плоти, модалистическое монархианство. Это ереси, связанные с иудаизмом и монархианством. Теперь гностические ереси.

Без сомнения, самым серьезным искажением библейской мысли в это время было еретическое мировоззрение гностицизма и его христологического аналога, докетизма. Оно было действительно очень влиятельным. Гностицизм был частью большого и сложного религиозного и философского движения, охватившего эллинистический мир в начале второго века.

Он был основан на платоновском дуализме материи и духа. Гностики утверждали, что материальный мир изначально был злым, тогда как духовный мир был потенциально благим. Кроме того, гностицизм предлагал людям подробное тайное знание, греческий гнозис, отсюда гностицизм, и гностицизм, тайное знание реальности, утверждая, что знает и может объяснить вещи, о которых обычные люди, включая христиан, не знали.

Он разделил людей на различные классы, и только те, кто принадлежал к высшему и самому духовному классу, могли достичь этого тайного знания. Таким образом, он был элитарным. Гностицизм был чужд христианству во всех отношениях, и если бы он был принят или смешан с библейской верой, истина Евангелия была бы уничтожена.

Например, гностики рассматривали Бога как единого, но далекого и непознаваемого, совершенно иного, и таким образом удаленного от этой падшей материальной вселенной, которую он не создавал. Некоторые в гностической мысли. Поскольку, в гностической мысли, существует расстояние между Богом и миром, разрыв между Богом и миром заполняется посредниками, целым множеством их.

На самом деле, это был один из этих посредников, меньшая сила или Бог, известный как демиург, который создал эту падшую материальную, падшую вселенную, включая людей. Что касается людей, мы состоим из той же духовной субстанции, что и Бог, но мы оказались в ловушке физических тел, которые подобны гробницам, из которых мы должны выбраться. Наше падение в грех не является историческим падением.

Скорее, это идентично нашему падению в материю и, таким образом, попаданию в ловушку наших физических тел. Таким образом, творение и падение совпадают благодаря работе демиурга. Поэтому в гностицизме грех рассматривается как отчуждение нашей души от истинного Бога, пока мы существуем в наших физических телах.

Пока наши души заперты в физических телах, а материальность будет подвержена так называемому греху, спасение — это побег из рабства материального существования и возвращение в дом, из которого пали наши души. Эта возможность инициирована Великим Духом, Богом, который желает вернуть себе все отбросы и части. В гностицизме Бог посылает эманацию себя, духовного искупителя, который спускается через слои и слои реальности от чистого духа к плотной материи и пытается научить некоторые божественные искры духа их истинной идентичности и дому.

Пробудившись благодаря знанию, мы можем начать путешествие назад. Тогда, с этой точки зрения, кто такой Иисус? Несмотря на свое разнообразие, гностики учили, что Иисус был человеческим проводником для этого божественного посланника, Христа, которого Бог послал, чтобы спасти душу от тела. Все формы гностицизма отрицали, что Христос, этот небесный духовный искупитель, воплотился, учитывая их антитезу между духом и материей.

Итак, они утверждали, что Христос либо временно ассоциировал себя с человеком Иисусом, адопционизм, либо просто принял облик физического тела, докетизм. Для большинства гностиков небесный искупитель вошел в Иисуса во время его крещения и покинул его перед тем, как он умер на кресте. Гностицизм радикально отошел от библейского учения Иисуса и оказался в канаве.

Он отрицал всю библейскую концепцию Бога как Творца и Господа, который ни с кем не делит свою роль, и реальность Бога и Сына как равных Отцу. Кроме того, гностики отрицали реальность воплощения, включая полную и совершенную человечность воплощенного Сына. Таким образом, гностицизм оставил нам совершенно иную концепцию греха и спасения.

Неудивительно, что ранние отцы церкви, такие как Игнатий, Ириней и Тертуллиан, неустанно спорили против этого. Они правильно поняли, что гностицизм был ересью, которую нужно было отвергнуть целиком. Они неустанно выступали против него, потому что он был вездесущ, он вписывался в философские течения неоплатонизма, и было трудно отнять это у людей.

Бог Ветхого Завета не был злым. Он Бог-Творец, и такие отрывки, как Колоссянам 1, этот великий отрывок, показывают, что Творец и Искупитель — одно и то же. Искупитель — это Творец.

Творец есть Искупитель, и что Бог любит свое творение, и Сын стал его частью, если хотите, в своем воплощении, и его смерть спасает, и он воскрес на третий день, и он первенец многих братьев и сестер, и он первенец, и мы, в конце нашего спасения, не наш побег из темницы тела как чистых духов, но это воскресение наших тел, чтобы быть преобразованными, Филиппийцам 3.21, Христом, который имеет силу подчинить себе все вещи, чтобы наши тела могли быть подобны его славному телу, и конец всего сценария - новое небо и новая земля, на которых обитают Троица и народ Божий. Так отличается от гностицизма. Это не смешно.

Итак, мы немного рассмотрели ереси, связанные с иудаизмом, монархианством и гностицизмом. А как насчет самых ранних ортодоксальных христологических представлений? Как первые христиане представляли его себе? Было ли у них учение о Троице, и все ли из этого получилось? Нет. Они говорили, что он был одним человеком с двумя природами? На самом деле, Тертуллиан невероятно близок к этому.

Знаете, я говорю, что Бог дает дары, но большинство ранних христиан были заняты тем, что уклонялись от преследований и львов, верно, и у них едва ли было время думать. Можно было бы обсудить многих ранних отцов церкви, но

мы хотим поговорить об Игнатии Антиохийском, Иустине Мученике, Иринее, Тертуллиане и Оригене. Игнатий, он умер около 115 года.

Он был довольно ранним свидетелем, и он не был великим теологом, но он был великим мучеником и великим христианином, и он утверждал истины об Иисусе. Игнатий был современником апостола Иоанна. Он был замучен около 115 года.

Ожидая своей смерти, он написал семь посланий, которые у нас есть, которые сохранились. Как уже отмечалось, Игнатий писал резко против гностицизма, тем самым подчеркивая реальность воплощения и полную человечность Христа. Что он делает, так это дает части, которые собор позже соберет, ну, люди даже до собора.

Соборы формализуют и записывают исповедания и символы веры, которые являются результатом многих исследований, боли и борьбы, и которые должны быть приняты народом Божиим не наравне с Писанием, а как выражение утверждения вселенской церковью библейских учений. Игнатий, как известно, пишет: цитируйте, не обращайтесь внимания. Поэтому я цитирую его Послание к Траллийцам, не обращайтесь внимания, поэтому, когда кто-либо говорит вам не как Иисус Христос, который действительно родился, который и ел, и пил, который действительно был гоним при Понтии Пилате, который действительно был распят и умер, который, кроме того, действительно был воскрешен из мертвых, когда его воскресил отец. Это захватывающе.

Ого. Но если, как говорят некоторые атеисты, то есть неверующие, он страдал только внешне, стоицизм, то почему я в цепях? Похоже на Павла, не так ли? И почему я хочу сражаться с дикими зверями? Если это так, то я умираю без причины — мужественный человек, жаждущий умереть за Христа.

Уф. Мы прочтем об одном гениальном мыслителе, который хотел умереть за Христа, но не смог, потому что его мать спрятала его тогу. Я не шучу.

Мать Оригена спрятала его тогу. Он не хотел умереть за Христа нагим. В любом случае, Игнатий также утверждает полную божественность Сына.

В своем послании к Ефесянам, глава 7, стих 2, Игнатий размещает рядом две серии утверждений о едином Христе. Слева находятся утверждения о Христе во плоти как человеке. Справа находятся те, которые сделаны о предсуществовавшем Сыне.

Не может быть никаких сомнений, что Игнатий — сын Божий. Сразу после апостольского века он уверовал в полную божественность и человечность Иисуса Христа: Иустин Мученик и христология Логоса.

Даты Джастина около 100. Это значит, что мы не знаем точно, когда он родился. Мы знаем, когда он умер.

Это точная дата, 165. Когда христиане провозглашают Христа своей культуре, они сталкиваются с интеллектуальным противодействием. Ряд христианских писателей, известных как апологеты, пытались объяснить и защитить веру от ее культурных презирающих.

Одним из самых известных ранних апологетов был Иустин Мученик. Что касается христологии, он особенно важен для развития того, что называется христологией Логоса. Как апологет, Иустин считал, что Логос является важным связующим звеном между христианской и эллинистической мыслью.

Будучи учеником философов, Юстин утверждал, что философы были в основном правы во многих пунктах, хотя их общее мнение было неполным, поскольку в нем отсутствовал Христос. Таким образом, несмотря на различия между языческой философской мыслью и христианством, Юстин утверждал, что философы имели проблески истины и что это было больше, чем просто совпадение. Итак, как он объяснил частичные соглашения между философами и христианской теологией? Ответ Юстина был сосредоточен на Логосе, слове.

Согласно греческой мысли, человеческий разум может понимать реальность, потому что он разделяет Логос по универсальной причине. Это греческая философия. Это еще не Библия.

Это не христианская доктрина. Так что он говорит в своей культуре. Человеческий разум может понимать реальность, потому что он разделяет Логос по универсальной причине, которая поддерживает всю реальность.

Реальность рациональна, и мы рациональны, потому что разделяем этот Логос. Но для христианина, особенно в свете Евангелия от Иоанна, мы утверждаем, что в Иисусе из Назарета Логос стал плотью, Иоанн 1:14 . В воплощении, таким образом, глубинная причина вселенной, Логос, пришла на эту землю и жила среди нас.

Иустин апеллирует к этой истине, тем самым связывая христианскую и эллинистическую мысль во Христе. Используя христологию Логоса, Иустин решительно утверждает божественность Логоса и реальность воплощения. Он учит, что Логос — это предсуществующий дух Бога, второй Бог, если хотите, который теперь воплотился в Иисусе Христе.

Таким образом, подчеркиваются две истины. Вечное единство Логоса с Отцом , а также его появление в человеческой истории как Логоса, испускаемого или

выражаемого. Кроме того, Иустин хочет говорить об отношении между Логосом и Отцом как о вечном.

И хотя Отец порождает Логос, это никоим образом не умаляет Отца или Логоса, потому что, как огонь, возгоревшийся от огня, является его аналогией, то, из чего может возгореться много, никоим образом не становится меньше, но остается тем же самым. В этом объяснении Джастин пытается понять, как Бог един, но Отец и Сын оба являются божеством и разделяют божественную природу. Любая такая иллюстрация несовершенна, но он умный печенье, и он делает добро.

Он совершает ошибки, как мы увидим через мгновение, что также неизбежно, я полагаю. Чтобы еще больше объяснить отношение Логоса к Богу, Иустин говорит о Логосе как о космическом Логосе, который является ответвлением Бога и агентом в творении. Логос тогда существовал в мире до Иисуса.

Он говорил через еврейских пророков и греческих философов. Таким образом, Логос, буквально, Логос сперматикос, есть тот, кто находится в каждом человеке и является источником всей истины, когда бы она ни была понята и произнесена. Но теперь, со временем, этот Логос обрел плоть и пришел, чтобы обитать среди нас как Иисус, Мессия.

Логос сперматикоса — это Логос в форме семени, если хотите. Используя христологию Логоса, Иустин стремится достичь ряда вещей. Во-первых, он стремится объяснить, почему христиане могут принять всю истину как Божью истину.

Во-вторых, он объясняет, почему христиане могут верить и поклоняться Иисусу Христу как Богу, второму Богу, не отвергая монотеизм. В-третьих, он объясняет, почему люди должны стать христианами. Тот же Христос как универсальный Логос является источником всей истины, красоты и добра.

Но только христиане знают Логос полностью через веру во Христа. В конце концов, утверждает Иустин, всякая мысль и всякая вера во Христа являются источником всей истины. Однако одна из проблем, которую Иустин завещает последующим поколениям, — это субординационизм, рассматривающий Логос как онтологически подчиненный Отцу, делая исхождение Логоса от Отца зависимым от творения.

Это открывает дверь для некоторых, чтобы сказать, что нет вечного предсуществования Логоса в отдельном личном существовании, дверь, к сожалению, через которую позже проходит арианское богословие. Я мог бы сказать, что есть библейский субординационизм, ладно? Но он отличается от этого субординационизма, от которого нас предостерегают. Иисус говорит, что

Отец больше меня в прощальных беседах, ладно? И Иисус молится Отцу, Отец не молится Иисусу, ладно? Отец и Дух наделяют Иисуса силой. Иисус не наделяет силой Отца.

Итак, есть библейский субординационизм, но его следует отличать от субординационизма сущности. Эссенциальный субординационизм отрицает божественность Сына. Функциональный или экономический субординационизм говорит, что Бог Сын стал человеком ради нас, грешных, и нашего спасения, и в этом он подчинил себя, не по сути, а в плане дела Евангелия, то есть экономическое подчинение, или в плане своей функции.

Бог на небесах не может умереть на кресте, Бог на земле умер на кресте. Сын, таким образом, подчинил себя Отцу, не по сути, а экономически или функционально, чтобы спасти нас от наших грехов. Субординация, да, но культы сегодня совершают ту же ошибку, что и эррористы в ранние века.

Мы увидим больше немного позже, например, когда они говорят, смотрите, в Новом Завете есть подчинение, верно? Верно. Следовательно, Сын не Бог, верно? Неверно. И снова они спотыкаются об эту тайну единой личности с двумя природами, полностью единосущной Отцу в Его божестве, полностью единосущной нам в отношении Его человечности, как выразился Халкидон.

Иринеи Лионский, около 130-202, многие считают его первым настоящим христианским теологом, блестящим мыслителем, вовлеченным в большую борьбу с гностиками с некоторыми действительно хорошими идеями. Иринеи родился в Малой Азии, провел свое христианское обучение как ученик Поликарпа, а затем был отправлен пресвитером в Галлию, где он был назначен епископом Лиона в 177. Вероятно, его самая известная апологетическая работа - это его защита христианства от гностицизма под названием «Против ересей».

Он справедливо известен. В своем ответе гностицизму он представляет совершенно иную теологию, чем их. Например, в противовес гностицизму Иринеи утверждает, что единый Бог, который существует как Отец, Сын и Святой Дух, который является творцом небес и земли, *ex nihilo*, из ничего своим словом и своим духом, имеет две руки.

Он знаменит этой картиной двух рук Бога. Любая картинка может быть искажена. Две руки Бога, конечно, это Сын и Дух.

Это картина единства и взаимодополняемости совместной работы тринитарных лиц, их гармонии. Вот слово, которое я хотел. Для Иринея Бог имеет прямой контакт со своим творением в отличие от гностической мысли, и он не осуществлял его через ряд посредников.

Некоторые утверждают, что двурукий взгляд Иринея рассматривает Сына и Духа как подчиненных Отцу, что возможно, поскольку он писал в эпоху Антиногена . Я не думаю, что это правильно, но я скажу это. Несправедливо судить более ранних отцов по более поздней терминологии.

Это просто несправедливо. Как Тертуллиан мог использовать язык собора через сто лет после него? Несправедливо. Работайте с их идеями.

Плюс, церковь много раз совершенствовала свою терминологию, поскольку железо точило железо, особенно между Востоком и Западом. Они говорили на разных языках, греческом и латыни, и одно и то же слово означало для них разные вещи. И поэтому компромисс был необходим, как мы увидим.

Однако Иринея ясно помещает эту субординацию в существо Бога и не рассматривает Сына и Духа как внешних по отношению к Отцу, но как единых с ним. Для Иринея Сын и Дух являются полностью Богом, однако для него это утверждение не умаляет божественного единства. Отец, Сын и Дух рассматриваются как действующие в союзе и гармонии, извините, в творении, провидении и искуплении, поскольку они находятся друг в друге до творения.

Это замечательно. В своем взгляде на людей и Божий план спасения Иринея следует сюжетной линии писания, творения, падения и искупления и утверждает, что люди были созданы хорошими, но стали испорченными добровольным актом воли, связанным с Адамом, и историческим падением. Более того, именно потому, что весь род находится в Адаме, все люди входят в человеческий род как падшие.

В конечном итоге наше затруднение не метафизическое, духовные души, запертые в физических телах, а моральное. Наше затруднение не метафизическое или онтологическое, а моральное, и поэтому нам нужно, чтобы Бог осуществил наше спасение через свое собственное обеспечение себя. Что касается христологии, Иринея был первым, кто сформулировал значение личности и дела Христа систематическим образом.

Он сделал это, следуя структуре и рамкам Писания. Он ясно подтвердил, что Иисус — полностью человек и полностью Бог. Он не обсуждал подробно отношения Отца и Сына с Отцом или их предсуществование.

Однако он рассматривал обоих как божества и отвергал Логос как просто эманацию или просто атрибут или выражение Бога. Вместо этого он утверждал, что Логос всегда существовал как тот, кто открывает Отца и тем самым лично отличен от него, а не как модус Отца, что помогает прояснить некоторые проблемы, которые христология Логоса оставила церкви. Для Иринея Сын — истинный Бог по природе.

Более того, Ириней настоятельно подчеркивал единство личности Христа. В противовес гностикам, которые различали Христа, существо небесного происхождения, и Иисуса, земное существо, Ириней заявил, что Иисус Христос — один и тот же, выражение, позднее включенное в определение Халкидона. Это греческое, *eis kai ho autos*, один и тот же.

Именно благодаря тому, кем является Иисус, он может делать работу, которую ему приписывает Писание. Он точно вписывается в библейскую комбинацию, связывая личность и работу Христа. Это прекрасно, так много хорошего.

Раскрывая доктрину спасения, Ириней отверг дуализм духа и плоти гностицизма и вместо этого говорил о рекапитуляции в том смысле, что спасение — это обновление и восстановление творения, а не его отмена. Поскольку все человечество находится в Адаме, Христос должен рекапитуляции Адама. И чтобы сделать это, Иисус должен быть полностью Богом и полностью человеком.

Отсюда и обоснование воплощения. Кроме того, Ириней пережил каждое состояние человеческой жизни. К сожалению, он неправильно понял утверждение в Иоанна 8, где противники Иисуса говорят: Тебе нет еще 50 лет, и Ты никогда не видел Авраама, видящего Тебя.

И Ириней сказал, что это значит, что Иисусу должно было быть около 50. Так что, в его понимании, Иисус освятил младенчество, будучи маленьким мальчиком, младенцем и детство, будучи ребенком. Я не думаю, что он различал подростковые годы, но если это было так, а затем старость, если хотите, дожив почти до 50.

Он прошел через все это, и в отличие от Адама, он добился успеха. Понимаете? Итак, он суммирует человеческую расу в себе как в представителе, и он успешно повторяет каждый этап человеческой жизни, в то время как Адам потерпел неудачу. Он, конечно, верил в, простите за мой французский, арминианское представление о свободе воли; однако, я просто буду здесь честен.

Кальвинисты цитируют Августина, но более ранние отцы не очень-то августинцы. Как бы это сказать? Так вот в чем дело. И то же самое относится к Восточной Церкви, древней и современной, по сути. Кроме того, Ириней дал нам две важные фразы: *Filius Dei*, *Filius Hominis* и *Factus*. Сын Божий стал сыном человеческим.

И *Iesus Christos*, *Homai*, *Homai Deus*, Иисус Христос, истинный человек и истинный Бог. Для Ириней искупительное дело Христа полностью зависит от тождества между его человечностью и нашей человечностью. Это высшая точка

христологической ясности, которая будет достигнута снова, но не превзойдена почти три столетия спустя в Халкидоне.

Бог дал дары, и у Иринейя их было полно, полно грузовиков. Он использовал их в фехтовании, борьбе с гностицизмом и в позитивном взгляде на личность и дела Христа. Тертуллиан, мой собственный докторский наставник, Джеймс Пейн из Университета Дрю, был любимцем Тертуллиана.

Около 160-230 годов Тертуллиан родился и жил в Карфагене, Северная Африка. Он родился в языческой римской семье и получил образование в области риторики и права. Где-то до 197 года он стал христианином.

Он первый заметный представитель латиноязычной церкви. До этого, как и Иринейя, отец говорил по-гречески, и его многие называли отцом латинского или западного богословия. Он также писал апологеты против Маркиона, известного гностика, и других еретических групп.

Например, он написал предписание для еретиков. Он писал против Маркиона и против Праксея, другого еретика. Тертуллиан, вместе с Иринеем, выступал против гностицизма, используя многие из тех же аргументов.

Тертуллиан также писал против модализма. Отвечая на модализм, Тертуллиан предвосхищает более поздние формулировки Никейского и Халкидонского соборов, как отмечает Жан Галло, цитата, цитата, он предвосхитил ответы, которые позже были даны Восточной церковью на три великих христологических заблуждения: аполлинарианство, несторианство и монофизетизм, близкая цитата. Фактически, он вводит те самые термины, которые будут использоваться на этих более поздних соборах.

Он первый использовал слово *trinitas*, троица, для обозначения Бога. И он утверждает, что Бог — это одна субстанция, *una substantia*, в трех лицах, *tres personae*. Имена отец, сын и дух не являются модусами, они могли бы быть модусами, но не модусами в модалистическом смысле, а представляют собой реальные, вечные различия.

Однако эта свобода не отрицает единства Бога. Тертуллиан также полезен в объяснении того, что он подразумевает под своими терминами. Под субстанцией он подразумевает то фундаментальное онтологическое бытие, которое делает нечто тем, что оно есть.

В то время как личность, *persona*, относится к идентичности действия, которая обеспечивает различие. Также, как и у других в этот период времени, в мышлении Тертуллиана есть субординационистское течение. Он выступает за божественный порядок среди личностей.

Отец больше сына, который второй, в то время как дух — треть Отца и Сына. Но этот порядок, кажется, объясняется скорее онтологическими, чем функциональными терминами, верно? Если бы он был просто функциональным, то все в порядке. Если это связано с бытием, с порядком бытия, то это проблематично, потому что это может намекать или подразумевать онтологический или метафизический субординационизм, что означает, что дух и сын не равны отцу.

Исторически, конечно, церкви потребовалось понять божественность сына, чтобы церковь признала божественность духа. И это, на самом деле, просто пришло довольно естественно, когда они дошли до бинитаризма, если хотите. Тринитаризм не сильно отстал.

Например, как объясняет Роберт Латам, Тертуллиан предполагает, что до того, как все было создано, Бог был один, но не один, поскольку у него был свой собственный разум, *ratio*, которым он обладал в себе, то есть в своей собственной мысли, которую греки называли *logos*, близкая цитата. Технически, однако, Тертуллиан утверждает: «У Бога не было своего слова, *sermo*, в то время, только разум. Бог послал свое слово при творении»,

Но означает ли это, что слово возникло только при творении и не имело предсуществования? Тертуллиан гаснет между неизбежным словом и испущенным словом. Слово всегда было присуще разуму, а разум был в Боге, но является явной личностью только с момента творения. Трудно избежать вывода, что Тертуллиан отстаивает онтологическое подчинение.

Однако в других местах он настаивает на реальных личных различиях Отца, Сына и Духа, и на том, что все они полностью разделяют единое существо Бога. Это напряжение не полностью разрешено. Возможно, это слишком много, так как должно произойти дальнейшее размышление.

Я думаю, это милосердный вывод. Возвращаясь к христологии, Тертуллиан утверждает, что субъектом воплощения является логос, который облекся во плоть. Размышляя над отношением божественности и человечности Христа, Тертуллиан не обсуждает этот вопрос подробно, но он использует те же основные концепции субстанции, природы и личности.

Иисус Христос был из божественной сущности и человеческой сущности, но только одного лица. Таким образом, он утверждает две природы во Христе, но объединенные в одном субъекте, который есть божественный сын. Он предвосхищает Халкидон.

Некоторые из этих ранних отцов действительно одарены и сами, боже мой, выступили против того, что позже стало несторианством, Тертуллиан ясно утверждает, что личность Христа не была результатом соединения двух субстанций, таким образом образуя составную личность, а была единой божественной личностью, которая обладала двойным состоянием или двойной сущностью. Но, как отмечено выше, Тертуллиан неясен в отношении субординационистского вопроса, и он, кажется, считает, что сын является производным отцовской сущности, однако он помещает эти отношения в Божество и не хочет подразумевать неравенство бытия, а объяснение отношений и происхождения. Уникальным вкладом Тертуллиана в христологию является его концепция личности, которая в последующие годы развивается с большей изощренностью.

Тертуллиан ясно сохраняет единство сына в лице и существование этого лица в двух природах, так что Иисус теперь полностью Бог и полностью человек, однако он не всегда предельно ясен в этих концепциях. Более того, вопреки гностицизму и докетизму, Тертуллиан утверждал, что у Христа была человеческая душа, истину, которую Ириней не обсуждал, но которая стала решающей в более поздних христологических размышлениях. Для Тертуллиана человеческая природа состояла из тела и души, и, таким образом, для Христа, поскольку он был полностью человеком и чтобы спасти нас, он должен был принять состав тела и души.

Как отмечает Галло, этот сотериологический аргумент, цитата, был задействован более века спустя против аполлинарианства, близкая цитата, которое отрицало человеческую душу Христа, и он также позволил Тертуллиану объяснить эмоции и страсти Христа, которые он испытывал в своей человеческой душе. Кроме того, сильное утверждение Тертуллиана о двух природах Христа, природах, которые сохраняли свои собственные свойства и не были смешаны или смешаны, также было важно в позиции Церкви против монофизитства, которое боролось за одну смешанную природу в результате Воплощения. Пришло время завершить эту лекцию, и я просто скажу, что наша следующая лекция будет посвящена Происхождению и Никейскому собору и арианству, на которых ранняя Церковь решительно, окончательно и соборно, как официальный собор, подтвердила полную божественность Сына.

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 2, Патристическая христология, Часть 1, До Никеи.